

Лебедев - Кумач Василий Ив.

09.09.98

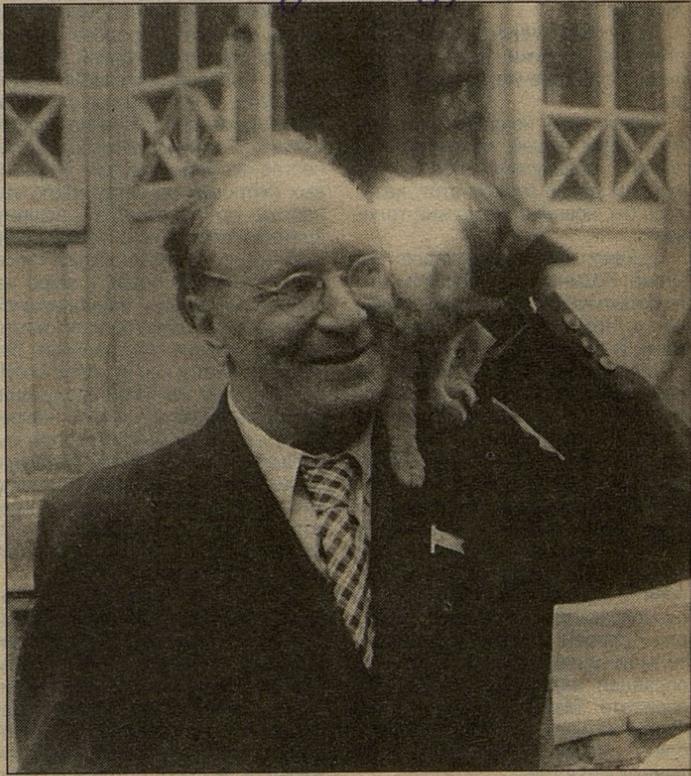
ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ:

Уж очень жизнь сейчас всех оскотинила...

Культура, - 1998 - 3-9 сент. - с. 5

Письма, выдержки из которых вы сейчас читаете, написаны отцом к дочери. Их автор – Василий Иванович Лебедев-Кумач, известный советский поэт-песенник, чье столетие отмечалось 5 августа 1998 года.

Последние полтора года жизни (с июля 1947-го по октябрь 1948-го) Лебедев-Кумач безвыездно провел за городом, на даче во Внукове. Это был, пожалуй, самый нелегкий период в биографии поэта, когда он, тяжело больной, решил навсегда покинуть Москву. В его дневниковых записях того времени есть строчка: "Всем казалось – после войны будет лучше". Лучшее не стало. Уже действовало ждановское постановление о Зоценко и Ахматовой, которое, по словам очевидцев, Лебедев-Кумач воспринял с болью, крепла борьба с "безродными космополитами", те, кому посчастливилось уцелеть и вернуться из лагерей, были лишены права жить в больших городах, а многие уже были арестованы повторно... Рушились неоправданные надежды первых послевоенных лет. Тогда-то "основоположник жанра советской массовой песни", привыкший откликаться рифмой на каждое событие государственного масштаба, осознал, что не может работать, как прежде. Его поступка тогда не поняли ни собраты по перу – в писательских кулуарах повторялись слова: "Кумач кончился", – ни близкие. Разговор с дочерью, который поэт вел на бумаге более года, – откровенный и негромкий, какой может быть только между очень родными людьми. Читая эти письма, понимаешь, сколь велика была переоценка ценностей, переживаемая автором оптимистических советских стихов в последние годы жизни.

В.И. Лебедев-Кумач. Последняя фотография Осень 1948 г. Внуково

идут, ассоциации, воспоминания. Кое-что записываю. Очень хочется написать кое-что в прозе. Обдумываю и постараюсь обязательно осуществить. Но ведь это не так просто. И болезнь моя мешает, и отвык я от прозы здорово. И хочется если уж написать хотя бы маленькую вещицу, так уж сделать это как следует, чтобы не стыдно было и самому прочесть, и другим показать – в первую очередь тебе и маме <...>.

Читаю немного. Но с большим удовольствием в самые темные вечера (без электричества, при керосиновой лампочке) перечитал О'Генри. Сейчас откопал у себя Потапенко и читаю. К печкам прибил блестящие щиточки из дюралюминия. Привел в порядок весь свой инструмент: наточил топор и пилу. Иногда занимаюсь починкой "туалетов": пришиваю главным образом пуговицы – к жилетке, брюкам и т.д. Топлю печи. Готовлю и разогреваю еду себе и животным. Если погода благоприятствует и легко дышать, хожу гулять с Микки³. Стараюсь это делать ежедневно, даже при неважном самочувствии, чтобы не раскисать.

Ну? Примерно ясен тебе мой modus vivendi? (Это по-латыни значит "образ жизни") <...>.

3/XI-47

Посылаем тебе, дочь наша, из внуковского поместья "Золотые дубки" даров природы: грибов и помидоров, как некогда бурсакам и дому. Только учишь хорошоенько и будь умной, здоровой и красивой! Крепко тебя целую. Папа. Он же father.

Без даты

Милая доченька, отвечаю на твое послание. Ты спрашиваешь, не скучно ли мне. Родненькая моя я вообще не привык скучать, а тут все время находятся хотя бы мелкие делишки по дому и по обслуживанию самого себя. Это отчасти хорошо, потому что отвлекает от мыслей о болезни и помогает сосредоточиться. Иной раз с утра едва-едва встанешь (особенно, если ночью не спалось), а потом начнешь понемногу выполнять мелкие "необходимости" – и, смотришь, разошелся. Много времени, чтобы подумать, а я это делаю очень люблю. Всяческие мысли

идут, ассоциации, воспоминания. Кое-что записываю. Очень хочется написать кое-что в прозе. Обдумываю и постараюсь обязательно осуществить. Но ведь это не так просто. И болезнь моя мешает, и отвык я от прозы здорово. И хочется если уж написать хотя бы маленькую вещицу, так уж сделать это как следует, чтобы не стыдно было и самому прочесть, и другим показать – в первую очередь тебе и маме <...>.

16/XI-47

Получил вчера от мамы патетическую и очень горчичную записку – очень расстроился, хотя и старался взять себя в руки.

Доченька моя! Хорошие мысли, хорошие человеческие наметки бродят в голове. Если бы только побольше сил, да не мешала бы вся эта постоянная катавасия! Так хочется писать хорошие, нужные людям вещи. <...>

18/XI-47

Многое, многое в душе обдумалось и улеглось, многие картины, наоборот, стали ярче. Сознание очищается от шелухи, ила и пр. Начал понемногу писать в прозе. И для стихов есть темы неплохие. Но все это за тысячи верст от газетчины <...>

Маме сегодня не пишу – теплые слова не получаются, а холодными и неприятными мы и так уже напортили много. Подожду. Передай ей просто от меня привет и искренние пожелания здоровья и спокойствия. Напиши, как она себя чувствует.

Перечитываешь ли ты уже "Чехова" ермиловского⁴? Какой он – Чехов – все-таки героически-прекрасный человек! И какой образец для всех людей – если бы к нему хоть капельку подтянуться! <...>

22 – 23 декабря 1947

Я получил дрова и сразу ожил и подумал: "А вдруг на Рождество ко мне дочка приедет? Натопим вовсю, тряхнем дровяной мощной, достанем лыжи и устроим такой Дингли-Делл, какой ни одному Диккенсу не снился. И елка будет чудесно пахнуть снегом, а снег – елкой. А дрова – и елкой, и сосной, и березой. И в печке среди углей будут золотые саламандры (как у Франса в "Харчевне королевы Гусиной Лапы"). А когда выйдешь на дорогу – то наша дача будет казаться как декорация из образцовской "Ночи под Рождество". А Микки будет если не в роли черта, то

домового..." Видишь, дочурка, как все может быть хорошо! <...>

Что читаешь? Из новых, присланных тобой книг (изд. "Иностранная литература") я пока заинтересовался только научной – "Что такое жизнь с точки зрения физики?". Вещь даже для меня (а я все-таки квалифицированный читатель) необычайно трудная. Но основной дух я уловил. В общем, сейчас все науки: и физика, и химия (особенно биохимия), и медицина – совсем вплотную подошли к загадке жизни. Все танцуют буквально в двух шагах около этого волшебного замка, но входа никто не видит, и ключа ни у кого по-прежнему нет... Интересно до жути. <...>

8 – 9 января 1948

Снегу я накопил к твоему приезду столько, что боюсь – и проехать нельзя будет. Во всяком случае всеми доступными мне средствами буду просить и молить madame la Nature, а по-русски Мать Природу, чтобы к твоему приезду все было сервировано как можно лучше – и снег, и облака, и восходы, и закаты и чтобы все светила небесные были на местах. Температура тоже будет отрегулирована. Только не надувай с приездом! За Константина Павловича Ротова⁵ я очень рад, – хорошо, что он уже на свободе. Но вступать в жизнь ему будет не очень легко. И по личной, и по общественной линии будет много горечи и разочарований. Впрочем, может быть, все обойдется. От души желаю ему счастья и успехов! <...>

Дорогая моя! Я буду очень-очень рад и счастлив, если ты действительно свяжешь мне свитер. Золотку мое, делай его по своему вкусу, у тебя все выйдет хорошо. А то я обносился здорово. А твой свитер (или джемпер, или фуфайку, или даже жилет!) буду ценить – ведь это будет первый дорогой подарочек, связанный

твоими милыми руками. Целую тебя так же крепко, как и ты. Только усы – пока – не сбрею. Сначала ты посмотри, какие они, а потом решим. Ей богу, я, кажется, с усам стал походить на Брета Гарта! <...>

31/III-48

Пришли мне, пожалуйста, "Русские сказки" Афанасьева (все три тома). И, если найдешь, красненькую книжечку Даля – "Матросские (или солдатские, не помню) досуги". Издание Вольфа. И "Морской словарь". Хочу попробовать написать одну морскую сказочку. А так как ты сама морская (maḡna по-латыни – морская), то должна мне помочь.

Чуешь запах зеленой морской воды?

И размер пушкинского "Балды"?⁶

Хорошо, если бы сказочка мне удалась. Целую тебя. Отец.

15/X-48

Здоровье мое ведет себя очень неровно, иногда здорово "прищучивает", иногда отпускает. Пока что жить и работать спокойно не удается. "Эскулапы" – а их, как ты знаешь, у меня был целый консилиум – все уговаривают лечь в Кремлевку. Порой мне кажется, что они безусловно правы, а порой тошнит от одной мысли о Кремлевке⁶. Золотку мое, как ты себя чувствуешь? Как твои лечебные и учебные дела? Сдала ли хоть один зачет? <...>

Сообщи новости. Пришли газет и книг (Мопассана, Диккенса, Телешова, если прочла). Вообще, пришли, что найдешь нужным.

Привет всем друзьям, твоим и моим.

Целую тебя крепко. Папа.

Публикация и комментарий Марии ДЕЕВОЙ

Внуково, 6/X-47

Милая моя доченька! Очень огорчен, что целую неделю с тобой не видался, и неизвестно, как скоро мы увидимся. Огорчен, что ты опять хворашь и от этого срываются твои учебные наметки. <...>

13/X-47

Здравствуй, доченька моя! Заштопанная дырка на правом рукаве джемпера не дает мне забыть про тебя – все время вспоминаю с благодарностью. Видишь, как приятно делать добро ближнему! <...>

Сейчас – серенький денек. Лист почти весь опал, я сгребая его за просто громадными кучами.

Электричество два дня пошаливало, не знаю, как сегодня.

Мой друг Ува¹ – как будто выздоравливает, чему я очень рад, – большой он был такой тихий, беспомощный и трогательный, едва говорил свое вопросительно-утвердительно: "Н-да?", и делал такие героические усилия улыбнуться, что мне было его от души жалко.

Родная моя, я говорю с тобой, как с самим собой, поэтому пойми

все, как надо. Я, может быть, люблю тебя больше, чем следует, и поэтому хотел бы видеть тебя лучше и счастливее всех. <...>

14/X-47

Я прочел твое сочинение и, где заметил, сделал грамматические поправки. В целом оно мне нравится: видно, что ты проработала большую работу, привлекла много материала и сама хорошо подумала. Сочинение на очень хорошем уровне. Продолжай в том же духе! Только, родная моя, не спеши и не пропусай в словах буквы, а то это становится просто твоей болезнью!

Хорошо, что взяла книги. За Уленшпигеля не ругаю. Мне сказали, что ты беспокоишься, как я отнесусь к твоим занятиям английским. Ради бога, не беспокойся – только бы ты сама чувствовала, что это тебе помогает и дает знания <...>.

¹ Маленький сын сторожа Лебедева-Кумача, называвший себя "Ува", так как сильно картавил и не мог произнести свое имя "Шура".
² В течение нескольких лет Лебедев-Кумач был председателем Московского группкома драматургов.
³ Собака Лебедева-Кумача.
⁴ Речь идет о книге В.Ермилова "Чехов".
⁵ К.П.Ротов – художник-карикатурист. Был незаконно репрессирован в 1940 году. Лебедев-Кумач неоднократно хлопотал о пересмотре его дела.
⁶ 31 октября 1948 года Лебедев-Кумач был госпитализирован в Кремлевскую больницу, где скончался 20 февраля 1949 года.

924